

Японские исследования. 2019. №2. С. 95–108.

Japanese Studies in Russia, 2019, 2, pp. 95–108.

DOI: 10.24411/2500-2872-2019-10013

«Абэномика»: смена концепции

В.Г. Швыдко

Аннотация. В статье рассматриваются изменения, которые за последние годы претерпело видение японским правительством, возглавляемым премьер-министром Абэ Синдзо, содержания и желаемых результатов своей экономической политики, представляемой общественности под брендом «абэномика». Автором рассматриваются основные установки экономического курса, провозглашённого японским кабинетом министров после того, как по итогам парламентских выборов 2012 г. его возглавил нынешний лидер правящей Либерально-демократической партии. Освещаются цели, которые на среднесрочную перспективу поставил перед собой обновлённый состав правительства, и инструменты, с помощью которых планировалось добиться перелома сложившихся ранее тенденций и вдохнуть в экономику страны отсутствовавший в течение двух предшествующих десятилетий динамизм. Описываются результаты, которые были зафиксированы после нескольких лет попыток активно использовать основные положения «абэномики» в деятельности правительства и центрального банка, и возможные причины отсутствия заметного прогресса в достижении изначально поставленных целей.

В статье прослеживается эволюция приоритетов формулируемых кабинетом министров экономических задач, которые постепенно смещались от стимулирования спроса и рефляции к поощрению роста производительности экономики через распространение новых технологий и обеспечение адекватного предложения трудовых ресурсов. Отмечается произошедшая в 2015–2016 гг. переоценка потенциальной эффективности инструментов кредитно-денежной политики как средства поддержки и ускорения экономического роста, а также понимание ограниченности возможностей правительства запустить подъём инвестиционной активности через дополнительные вливания мобилизуемых государством финансовых ресурсов. Логическим следствием стала иная расстановка акцентов как в публичном представлении экономической и социальной политики правительства, так и, в меньшей степени, в его практической деятельности.

Статья анализирует недавние официальные документы целеполагающего характера, в частности ежегодные доклады «Стратегия инвестиций будущего», с точки зрения отражения в них нового видения экономической роли государства, в том числе снижения приоритетности улучшения текущих показателей деловой активности и вменения правительству ответственности за фундаментальные качественные характеристики ресурсной базы экономики. Делается вывод о существенной корректировке направлений активности японского правительства в социальной и деловой сферах, в том числе об отказе от «промышленной политики» в её традиционном понимании, в целях повышения глобальной конкурентоспособности страны и обеспечения условий для долгосрочного устойчивого роста её экономики.

Ключевые слова: Япония, «абэномика», экономическая стратегия, устойчивое развитие, глобальная конкурентоспособность, постинформационное общество.

Автор: Швыдко Виталий Григорьевич, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник, Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений Российской академии наук; ведущий научный сотрудник, Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова. E-mail: shvydko@imemo.ru

Abenomics: a change in the concept

V.G. Shvydko

Abstract. The article addresses recent changes in the views of the Japanese government, headed by Prime Minister Abe Shinzo, regarding the content and desired effect of its economic policy, which is presented to the public under the brand of “Abenomics”. The article highlights major points of the economic credo proclaimed by the Japanese cabinet set up by the current leader of the ruling Liberal Democratic party after the Diet lower house elections of late 2012. It presents the mid-term goals set by the new cabinet, as well as the principal macroeconomic tools that would be mobilized by the cabinet to secure their achievement through modifying the tendencies which had solidified during the previous two decades, and to bring fresh stimulus and dynamism to the Japanese economy. The author briefly reviews the results of economic performance following several years of practicing “Abenomics” by the government and monetary authorities and possible explanations for the lack of significant progress in achieving the goals that had been set initially.

The author traces the evolution of the priorities in the economic tasks formulated by Abe cabinets, which have been shifting from stimulating demand and reflation to promoting growth of productivity through dissemination of new technologies and ensuring an adequate supply of labor resources. The article notes the reassessment that took place in 2015–2016 regarding the potential effectiveness of monetary policy instruments as a means of supporting and accelerating economic growth, as well as the awareness of limited potential of additional inputs of public funds through government efforts as a tool for invigorating investment activity in the economy. A change in the points being emphasized, both in the public presentation of the government's economic and social policies and, to a lesser extent, in its realization, was the logical consequence of the reevaluation of effectiveness of the above-mentioned tools.

Recent government documents setting larger goals, in particular the annual “Future Investment Strategy”, are analyzed as a reflection of a new vision of the economic role of the state. The latter includes less concern for current short-term macroeconomic indicators and more responsibility of the government for the fundamental characteristics and quality of the resources laying the foundation for national economic activities. The article concludes that Japanese government policy regarding social and business activities has been seriously adjusted in an effort to raise Japan's global competitiveness and ensure conditions for long-term sustainable growth of its economy. The said adjustment includes abandonment of the traditional ‘industrial policy’ concept.

Keywords: Japan, abenomics, economic strategy, sustainable development, global competitiveness, post-information society.

Author: Shvydko Vitaly G., PhD (Economics), Leading researcher, National Research Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences; Leading researcher, Plekhanov Russian University of Economics. E-mail: shvydko@imemo.ru

Экономическая политика японского правительства в последнее десятилетие, и особенно в период после прихода на пост премьер-министра его нынешнего обладателя Абэ Синдзо, является популярным объектом многочисленных комментариев и темой, в рамках которой используется довольно много пропагандистских конструкций и ярлыков. Самым массовым среди последних является запущенный ещё в 2013 г. японскими околоправительственными экономистами термин «абэномика» (abonomics).

Впервые появившись в медиа как своего рода журналистский штамп, он постепенно проник и в правительственные документы, а затем и вовсе стал вполне официальным брендом экономической политики главы японского кабинета. Содержание, вкладываемое правительственными экономистами в этот бренд, год от года расширялось, вбирая в себя всё больше различных, в том числе долгосрочных, амбициозных целей и задач, превратившись в итоге в синоним правительственного видения стратегии развития страны. Сегодня «абэномика» включает себя такие весьма далёкие от первоначально заявленных задачи, как внесение содержательных изменений в систему здравоохранения, развитие инновационных транспортных систем, распространение финансовых услуг и платформ на основе новых технологий, внедрение цифровых технологий во всех отраслях и сферах деятельности, создание благоприятной атмосферы для научной и инновационной активности, снижение выброса углеродных соединений в атмосферу и многое другое. При этом столь расширительное толкование этого слова приобрело официальный характер, и именно так оно представляется пиар-службами главы кабинета в правительственных презентациях и других публичных материалах¹.

Более того, с каждым новым документом, разъясняющим видение правительством стратегии социально-экономического развития страны, понятие «абэномики» становится всё более всеядным, а его содержание – весьма размытым и абстрактным, превращаясь из совокупности запланированных административных мер и шагов в своего рода комплексный прогноз желаемого будущего, часто без привязки к конкретным датам и цифрам. При этом грань между объективным развитием ситуации и результатом целенаправленных усилий государственных органов становится столь трудноопределимой, что в принципе любое усложнение и расширение экономической и социальной активности в отмеченных правительственными стратегами направлениях возможно представить как заслугу кабинета министров и его политики.

Однако первоначальная постановка задачи «абэномики» была всё-таки гораздо более ограниченной и касалась, если не исключительно, то преимущественно, ускорения роста ВВП на долгосрочной основе. Фоном для неё были два предшествующих десятилетия стагнации, когда при очевидных качественных изменениях в потреблении и технологическом уровне экономики её количественный рост, измеряемый ВВП и динамикой реальных доходов, почти отсутствовал. Темпы прироста соответствующих показателей в среднем за десятилетие в этот период не дотягивали и до одного процента, а периодические периоды подъёма конъюнктуры, которые иногда длились несколько кварталов подряд, тем не менее не перерастали в быстрый

¹ См., например, [Abenomics].

и устойчивый рост. И если поначалу такое очевидное ухудшение динамики макроэкономических индикаторов особенного беспокойства не вызывало (считалось, что оно является неизбежным следствием происходивших в экономике структурных сдвигов), то к концу первого десятилетия нового века ситуация изменилась.

Утрата Японией статуса крупнейшей азиатской экономики и угроза дальнейшего смещения фокуса активности японских корпораций за пределы страны придали вопросу о темпах роста политическое звучание. Необходимость преодолеть состояние хронической стагнации постепенно начала занимать всё большее место в публичных дебатах и в национальной политической повестке². Соответственно, именно на обещании переломить ситуацию с недопустимо вялой долгосрочной экономической динамикой строился первоначальный вариант программы кабинета Абэ Синдзо образца 2013 г., изложенный им в том же году в ряде интервью и выступлений перед представителями прессы. Часть программы, касавшаяся мер структурного характера, направленных на долгосрочную перестройку японской экономики, была изложена в утвержденном кабинетом министров документе с амбициозным названием «Стратегия возрождения Японии» [Нихон сайко сэнряку].

Несмотря на броские лозунги, широко использовавшиеся в публичном пространстве (это были знаменитые «три стрелы», обозначавшие, соответственно, мягкую монетарную политику, активное стимулирование конъюнктуры посредством дополнительных государственных расходов и «структурные реформы»), предложенная программа состояла из привычных для любой развитой рыночной экономики мер стимулирования конъюнктуры со стороны спроса. А именно: во-первых, посредством увеличения денежного предложения через банковскую систему, и, во-вторых, через дополнительные расходы на общественные работы, финансируемые из бюджета. Все остальные меры, попавшие в виртуальную «корзину» экономической политики нового премьера, носили в большей степени психологический характер – они либо не были подкреплены реальными рычагами воздействия, либо могли быть реализованы лишь в длительной перспективе и, соответственно, не могли прямо и быстро сказаться на состоянии деловой конъюнктуры.

Так, меры структурного характера, нацеленные на увеличение предложения (в частности через рост производительности) были прописаны слишком абстрактно и не были подкреплены реальными действиями, способными дать результат в краткосрочной перспективе. Хотя теоретически выражавшаяся правительством решимость через мелкие, но настойчивые институциональные меры и стимулы содействовать мобилизации и оптимизации имеющихся ресурсов могла подтолкнуть бизнес к большей активности, на практике подобные процессы всегда очень инерционны и, если и раскручивают спираль роста, то медленно и очень постепенно.

Что же касается попытки дать толчок росту конкурентоспособности через снижение обменного курса национальной валюты с помощью вербальных и реальных интервенций центрального банка, то воздействие последних на динамику биржевого курса по определению могло быть только краткосрочным. Результатом такого воздействия можно было бы считать ослабление иены в течение 2013–2014 гг., но уже со второй половины 2015 г. оно сменилось на

² См. об этом, в частности, [Стрельцов].

противоположную тенденцию, и за год с небольшим курс вернулся к значениям конца 2013 г. (чуть более 100 иен за доллар США).

Таким образом, если оставить в стороне пиар активность (которой, кстати говоря, С. Абэ уделял и продолжает уделять гораздо больше внимания и сил, чем его предшественники), фактически в первые два года вся «абэномика» сводилась к нескольким пакетам дополнительных расходов на инфраструктурные программы и к мерам по увеличению денежной массы и обеспечению умеренного, но стабильного роста потребительских цен. При этом и то, и другое реально оказалось достаточно ограниченным по масштабам, что контрастировало с первоначальными публичными обещаниями.

Так, дополнительные расходы на инфраструктурные проекты, о которых много говорилось в течение первого года «абэномики», вылились в относительно скромные дополнения к бюджетам 2013–2015 фин. гг. и не приобрели масштабов фактора, который бы рассматривался даже правительственными экономистами как мощный посыл к экономическому росту в целом. Уже с 2014 г. акцент фискальной политики был перенесён на облегчение налогового бремени для частных компаний, в частности на меры, позволяющие снизить эффективную ставку налога на прибыль корпораций.

Что же касается увеличения денежного предложения, то главным его инструментом стал японский аналог политики «количественного смягчения», активно проводившейся после кризиса 2008–2009 гг. Федеральной резервной системой США. Банк Японии (японский центральный банк), который в апреле 2013 г. возглавил Курода Харухико, известный как конфидент С. Абэ, начал осуществлять программу целенаправленного выкупа государственных облигаций у их корпоративных держателей, главными из которых являются частные коммерческие банки. Хотя выкуп гособлигаций на открытом рынке периодически практиковался и до этого времени и, более того, с 2009 г. стал устойчивым и всё более масштабным явлением³, новый глава центрального банка довёл месячные объёмы соответствующих операций до уровня свыше 5 трлн иен, и за полтора года – с середины 2013 г. до конца 2014 г. – вдвое увеличил объём государственных ценных бумаг на балансе Банка Японии, доведя его до 200 трлн иен.

Результатом стал соответствующий рост денежной массы, в основе которого лежало политически мотивированное масштабное увеличение денежной базы, обеспеченное усилиями центрального банка. Денежная экспансия привела к тому, что цена заёмных ресурсов на рынке понизилась, а объём кредитов нефинансовому сектору, выданных коммерческими банками, в 2013–2015 гг. устойчиво рос.

Однако заявленных промежуточных целей этой политики, а именно: 1) преодоления дефляции, которая была характерна для японской экономики с конца 1990-х годов и считалась одним из главных препятствий на пути возобновления её масштабного и устойчивого роста, и 2) заметного увеличения склонности к потреблению и потребительской активности в секторе домашних хозяйств – достигнуть не удавалось.

³ За четыре года – с 2009 по 2013 г. объём правительственных облигаций на балансе центрального банка увеличился приблизительно вдвое.

Так, потребительский спрос в течение всего первого трёхлетнего периода премьерства С. Абэ рос вяло и неустойчиво, а отрицательное воздействие на него повышения с апреля 2014 г. ставки налога на потребление оказалось гораздо более сильным и пролонгированным, чем ожидали правительственные экономисты. Не помогло ускорить рост спроса и принятое кабинетом решение отложить второе из запланированных повышений ставки этого налога (до 10 %) на октябрь 2019 г.

Что же касается роста потребительских цен, то после кратковременного оживления, связанного, в том числе, и с вышеупомянутым повышением налоговой ставки, он уже со второй половины 2014 г. стал замедляться и к середине 2015 г. практически сошёл на нет. В итоге раскрутить спираль положительной динамики (т.н. *virtuous circle*) цен, потребления и доходов субъектов экономики всё же не удалось, несмотря на решительные и бодрые заявления премьер-министра и его экономических советников. Соответственно, оставалась недостигнутой и сформулированная в «Стратегии возрождения Японии» цель вывести темпы экономического роста на уровень выше 2 % ежегодного прироста⁴.

Тем не менее никаких оснований для корректировки своей политики правительственные экономисты не нашли. Новая версия вышеупомянутого целеполагающего документа, утвержденная кабинетом министров в июне 2016 г., расценила реализацию экономического курса японского кабинета в 2013–2015 гг. как успешную [Нихон сайко сэньяку 2016, с. 1]. Правда, конкретные показатели этого успеха, приведённые в документе, имели лишь косвенное отношение к первоначально заявленным целям: в заслугу новому кабинету было поставлено увеличение занятости (более чем на миллион человек за три года) и заявленное улучшение качества управления в частном секторе. Последнее, равно как и предполагаемое повышение производительности труда в экономике, трактовались в документе как результат ослабления регулирующих мер в электроэнергетике, сельском хозяйстве, здравоохранении, в частности в результате шагов в сторону либерализации, на которые правительство согласилось в ходе переговоров в рамках подготовки соглашения о Транстихоокеанском партнёрстве (ТТП). Кроме того, документ утверждал, что правительству удалось снизить налоговую нагрузку на частный бизнес и предоставить ему большую свободу в выборе форм и условий найма работников.

Что же касается целей оживления потребительской активности и преодоления дефляции, то убедительных свидетельств их достижения правительство предъявить не смогло, из чего вытекала необходимость продолжения прежней политики стимулирования спроса через бюджетную и кредитно-денежную экспансию.

Действительно, в последующие годы Банк Японии продолжил масштабный выкуп с рынка государственных облигаций в свой инвестиционный портфель, и к середине 2017 г. на его балансе уже находились долгосрочные облигации правительства общей стоимостью свыше 400 трлн иен, что означало удвоение этого объёма за два с половиной года. В результате в распоряжение финансовых институтов, у которых центральный банк приобрел эти

⁴ «Стратегия...» ставила задачу в течение ближайших десяти лет обеспечить темпы прироста ВВП в среднем на 2 % в год в реальном выражении, причём в течение первой половины этого периода они должны были быть выше этого показателя [Нихон сайко сэньяку, с. 2].

обязательства, поступил беспрецедентно крупный объём денежной ликвидности, который должен был стимулировать поиск и кредитование банками потенциальных заёмщиков в небанковском секторе и тем самым опосредованно потянуть вверх цены на товарных рынках.

В этих же целях монетарные власти использовали политику предельно низких процентных ставок, устанавливаемых центральным банком как регулятором финансовых рынков. Поскольку базовая ставка кредитования финансовых институтов Банком Японии ещё с 2008 г. была установлена на очень низком уровне (0,3 %), для усиления давления на финансовые рынки в направлении ещё большего удешевления кредита была использована ставка, применяемая к остаткам на счетах коммерческих банков в центральном банке. Эта ставка после ряда изменений в 2016 г. была установлена Банком Японии на отрицательном уровне, где и продолжает находиться все последние годы⁵. Другой инструмент, который был использован для этих целей – опосредованное регулирование уровней доходности гособлигаций на их вторичном рынке. Объём выкупа гособлигаций с определённого момента стал определяться с учётом его влияния на уровень доходности соответствующих бумаг при текущем уровне котировок. При этом в качестве целевого уровня доходности была выбрана нулевая.

Таким образом, смысл процентной политики центрального банка, как и его политики «количественного смягчения», состоял в том, чтобы «вытолкнуть» максимальное количество банковской ликвидности на рынки корпоративного и потребительского кредитования, спровоцировав в экономике общий рост инвестиционных и потребительских расходов и товарных цен⁶.

В фискальной политике правительства в 2015–2017 гг. не было существенных новаций, в том числе каких-либо новых эффектных пакетов мер, ведущих к масштабным вливаниям в экономику государственных средств. Не было, однако, и общего сокращения расходов в целях сбалансирования бюджета, о чём первоначально (в частности, в 2013–2014 гг.) заявлялось как о стратегической цели на средне- и долгосрочную перспективу. Более того, промежуточная цель достижения состояния бездефицитности консолидированного бюджета без учёта доходов и расходов, связанных с государственными заимствованиями (т.н. первичный баланс), оказалась отодвинутой на пять лет – с 2020 до 2025 фин.г. Бюджетная политика в целом оставалась достаточно мягкой, подчинённой скорее задаче поддержания экономического роста, нежели оздоровлению системы государственных финансов.

Вместе с тем ограниченность потенциала мер, предусмотренных первоначальной версией «абэномики» как политики стимулирования роста через оживление спроса и преодоление инфляции, становилась всё более очевидной. Никакого бума потребительских расходов, равно как и внутренних инвестиций, добиться не удалось именно в силу ограниченности потенциального эффекта кредитно-денежного стимулирования в реальных условиях японской экономики 2010-х годов.

⁵ Речь идёт о ставке, применяемой к определённому кругу остатков на счетах кредитных учреждений в центральном банке (policy-rate account balances).

⁶ Подробнее об этом см. [Швыдко].

Действительно, помимо того что снижение стоимости заимствования не вело автоматически к росту спроса на деньги со стороны небанковских корпораций и населения, возможности дальнейшего снижения их цены оказались фактически исчерпанными в условиях, когда процентные ставки, применяемые финансовыми регуляторами, приблизились к нулевой отметке. В такой ситуации традиционные методы «тонкой настройки» спроса на кредитные ресурсы, описанные в учебниках, оказываются малодейственными⁷.

Более того, низкая стоимость заимствований замедляет селекцию компаний по признаку их эффективности, позволяя проблемным предприятиям подолгу оставаться «на плаву», не имея реальных перспектив роста и развития. При этом отрицательные ставки регулятора ухудшают и без того не лучшее финансовое положение банковского сектора, а нулевая или даже отрицательная доходность гособлигаций разрушает их рынок и в долгосрочной перспективе не выгодна никому, кроме правительства. Как справедливо заметил по этому поводу экономический советник бывшего премьера К. Обути японский экономист К. Юмото, «монетарная политика может помочь выиграть время, но не решает проблемы» [The Japan Times].

При этом политика кредитно-денежной экспансии плоха ещё и тем, что длительное её использование вызывает своего рода привыкание экономических агентов. Они перестают воспринимать положительные стимулы, заложенные в механизмах этой политики, но готовы нежелательным для властей образом реагировать на её прекращение и на принятие каких-либо мер рестрикционного характера. В результате монетарные власти, образно говоря, продолжают давить на упёршуюся в пол педаль газа, боясь при этом переставить ногу на тормоз. Понимая недостижимость целей рефляции (доведения потребительской инфляции до целевого уровня в 2 %) и повышения склонности домохозяйств к потреблению, управляющие Банка Японии годами сохраняют все основные параметры его политики без изменений и отказываются обсуждать необходимость их изменения в ближайшие годы. При этом тот факт, что сохранение устоявшегося курса с финансовой точки зрения выгодно правительству, лишь добавляет сомнений в объективной оправданности столь длительной приверженности Банка Японии линии, заданной много лет назад с подачи нынешнего премьера.

На фоне всего сказанного концепция «абэномики» и её официальная трактовка уже с середины десятилетия начали претерпевать постепенные, но очевидные изменения. Хотя генеральная цель достижения устойчивого долгосрочного роста сохраняется в более или менее неизменном виде, правительство, во-первых, начинает уходить от конкретных количественных «таргетов» в виде темпов роста ВВП, цен, параметров бюджета и т.п. Так, в документах, датируемых 2017–2018 гг., отсутствует цель достижения конкретных темпов прироста ВВП в кратко- и среднесрочной перспективе, а достижение целевого ориентира номинального объёма ВВП в размере 600 трлн иен не определяется конкретным сроком. Неизменным остаётся постулирование задачи окончательного преодоления дефляции, но прежний ориентир в виде 2 %-ной инфляции упоминается всё реже и без привязки к временным горизонтам. Прежняя

⁷ На это указывает, в частности, Пол Кругман в своей статье, посвящённой экономике Японии [Кругман, с. 178].

цель достижения нулевого первичного дефицита бюджета отнесена далеко за пределы ожидаемого срока окончания премьерства С. Абэ. Что же касается дополнительных бюджетных расходов, связанных с целями экономической политики, то они более или менее подробно конкретизируются по направлениям, но не по срокам и суммам.

Во-вторых (и это даже важнее), при изложении содержания будущей политики акцент переносится на меры, нацеленные на укрепление потенциала производителя – условно говоря, с «экономики спроса» на «экономiku предложения». В центр официальных документов, позиционируемых как изложение экономической и социальной стратегии правительства, ставятся такие категории, как производительность, конкурентоспособность, инвестиции и инновации, качество ресурсной базы и обеспеченность ею. Вместо стимулирования спроса на производимые товары и услуги внимание правительства переключается на меры повышения качества производственных ресурсов – человеческих, интеллектуальных и организационных, включая качество управления, а также на стимулирование увеличения их предложения. Речь, в частности, идёт о поощрении экономической активности определённых половозрастных групп трудоспособного населения, повышения и качества образования, и профессиональной подготовки, расширении доступа к информации, более эффективной защите интеллектуальной собственности и т.д.

При этом временной горизонт политики увеличивается – речь начинает идти о мерах, положительный эффект которых должен проявиться через длительное время – через 5–10 лет или даже на ещё более далёких горизонтах. С одной стороны, это требует обоснования необходимости этих мер более серьёзными выкладками и аргументированными прогнозами. С другой – в значительной степени снимает с правительства ответственность за отсутствие видимых результатов в форме улучшения параметров роста в актуальном краткосрочном режиме. Последнее предоставляет правительству значительную свободу в выборе приоритетов и постулировании целей, которые всё больше приобретают общий характер, тем самым выводя правительство из зоны возможной критики и обвинений в неэффективности.

В-третьих (и это, пожалуй, самое главное), нынешний кабинет в своей экономической философии и практике дальше всех своих предшественников уходит от дирижистского подхода к управлению экономикой, характерного для всего периода развития Японии после Второй мировой войны. И хотя этот поворот не всегда формулируется в чёткой и однозначной форме, при внимательном прочтении правительственных установок перемены выглядят существенными и однозначными.

С одной стороны, С. Абэ и возглавляемые им кабинеты министров порвали с традицией так называемой промышленной политики, когда правительство выделяло приоритетные сектора хозяйства и теми или иными средствами, набор которых с течением времени менялся, стремилось обеспечить более интенсивный приток ресурсов – финансовых, человеческих и организационных – в обозначенные сферы. В документах последнего времени правительство избегает называть конкретные производственные отрасли или сектора, которые имели бы статус приоритетных для его экономической политики и получали бы какие-либо административные преимущества перед другими. Вместо этого называются наиболее перспективные, с точки зрения экспертов, направления инноваций, которые, как ожидается, будут оказывать

наибольшее влияние на конкурентоспособность японских компаний на международных и внутренних рынках. Большая часть этих направлений привязана к технологическим или социальным маркерам и имеет скорее функциональный, нежели отраслевой характер.

С другой стороны, в отношении этих направлений правительство ограничивается заверениями во всемерной поддержке усилий частного сектора и профильных общественных корпораций, не ставя количественных целей по перемещению на эти направления имеющихся в распоряжении правительства финансовых и иных ресурсов. Финансирование конкретных программ или проектов, имеющих отношение к перспективным направлениям инновационного развития, осуществляется на уровне отдельных ведомств. При этом его формы и размер определяются в оперативном режиме в рамках бюджетного процесса и не принимают форму политических мегапроектов с отдельными крупномасштабными бюджетами.

Характерным примером нового подхода к экономической стратегии, подаваемого японским правительством как актуальное прочтение концепции «абэномики», является так называемая Стратегия инвестиций будущего – документ, который с 2017 г. пришёл на смену «Стратегии возрождения Японии» в качестве ежегодно обновляемого манифеста, формулирующего видение кабинетом средне- и долгосрочного будущего страны и тем самым определяющего контекст, в котором следует рассматривать конкретные шаги и инициативы правительства и его премьера.

К настоящему времени опубликованы два соответствующих ежегодных доклада с таким названием – варианты 2017 и 2018 г. Первый из них [Мирай тоси сэньяку 2017] имеет подзаголовок: «Реформы для реализации концепции «общества 5.0»», второй [Мирай тоси сэньяку 2018] – «Перемены в направлении “общества 5.0” – общества, основанного на использовании [информационных] данных». При некоторых нюансах в деталях, заявленный в них подход сводится к тому, что общество в Японии претерпевает глубокую трансформацию, связанную с принципиально иной ролью, которую в нём играют и будут играть технологии, основанные на использовании огромных и быстро растущих объёмов данных. Эта трансформация затронет все стороны жизни и будет продолжаться несколько десятилетий, формируя новый уклад экономики («общество 5.0»), отличающийся и от промышленного («общество 3.0»), и от информационного («общество 4.0»).

С точки зрения авторов, перемены, вносимые этим процессом в жизнь общества, настолько велики, что требуют коренным образом изменить методы и вектор правительственной политики, переориентировав её с привычного дирижирования фазами деловой конъюнктуры на фронтальное содействие со стороны правительства и государства происходящим в обществе структурным переменам безотносительно к его влиянию на текущее состояние тех или иных макроэкономических индикаторов.

Признавая, что четыре предшествующих года не изменили коренным образом ситуации в экономике для частного сектора, а именно: не создали нового мощного источника спроса и, несмотря на усилия правительства, существенно не ускорили рост производительности, документ 2017 г. делает фундаментальный вывод следующего содержания. Для того чтобы преодолеть затянувшуюся стагнацию и решить задачу обеспечения устойчивого роста в средне- и долгосрочной перспективе, Японии необходимо реализовать концепцию постинформационного

общества («общество нового поколения», «общество 5.0»), основанного на использовании достижений «четвёртой промышленной революции» (это, главным образом, «интернет вещей», анализ больших данных, искусственный интеллект, робототехника) во всех отраслях экономики и общественной жизни. Другими словами, путь к устойчивому росту и развитию в этом новом его понимании пролегает не через использование традиционных инструментов стимулирования потребительского и инвестиционного спроса, а через изменения в количестве, качестве и природе экономических ресурсов, которыми располагает общество, и в структуре взаимодействия между их видами.

Для этого в свою очередь признаётся необходимым целенаправленными усилиями содействовать взаимопроникновению, взаимодействию и взаимному стимулированию активности в разных отраслях и сферах общественной жизни. Примерами таких усилий документы называют, в частности, обеспечение совместимости и объединение в интегрированные системы применяемого программного и аппаратного обеспечения; формирование объединённых баз данных; облегчение режима использования и доступа к крупным базам данным со стороны агентов экономики, действующих в самых различных сферах; поощрение исследований и инноваций в соответствующих областях, включая облегчение установления контактов и связей между бизнесом и академическим сообществом, а также между бизнесом и независимыми исследовательскими организациями.

Именно эти усилия, по мнению правительственных стратегов, помогут создать систему, позволяющую «оптимизировать экономическую активность и увеличить производимую добавленную стоимость, создать наполненное жизненной силой общество-экономику. <...> Если же реакция на инновации “четвёртой промышленной революции” запоздает, а в проведении смелых реформ будет проявлена нерешительность, мы рискуем оказаться в роли субподрядчиков ведущих мировых корпораций с сопутствующей эрозией среднего класса» [Мирай тоси сэнряку 2017, с. 2].

Учитывая условия и потенциальные преимущества Японии в контексте мировой экономики, авторы стратегии предлагают вместо прежнего подхода, основанного на отраслевых приоритетах, сосредоточить организационные и финансовые усилия правительства на пяти направлениях, которые, с их точки зрения, могут стать двигателем развития японской экономики в средне- и долгосрочной перспективе. К ним они отнесли:

- 1) Повышение продолжительности активной и здоровой жизни.
- 2) Инновации, повышающие мобильность населения.
- 3) Создание систем дистрибуции нового поколения.
- 4) Инновации в сфере инфраструктуры и урбанистики.
- 5) Новые финансовые технологии.

Несмотря на то, что новые приоритеты экономической политики сформулированы весьма обтекаемо и могут быть различно интерпретированы при попытке их конкретизации, вышеизложенный подход к экономической стратегии, безусловно, представляет собой принципиальный разворот по сравнению со всем, что говорилось (и, в значительной степени, практиковалось) в течение предшествующих десятилетий. Если отвлечься от замысловатых форм, в которые облечён новый подход в его официальной подаче, и попытаться выделить его

суть, то последняя заключается в том, что правительство отказывается от краткосрочных индикаторов успеха экономической политики и сосредоточивает своё внимание на институциональных «реформах», призванных повысить конкурентоспособность японской экономики и, как следствие, японского общества в глобальном контексте.

Кавычки, в которые помещено здесь слово «реформы», употреблены не случайно: хотя в оригинальном тексте документов оно употребляется часто и сознательно, при внимательном чтении становится очевидным, что речь идёт не столько о реформах, сколько о сравнительно небольших изменениях в регулятивных документах и в практике их применения, призванных служить своего рода сигналом для экономических акторов. При этом именно от последних ожидаются решающие усилия, которые предположительно обеспечат повышение производительности и глобальной конкурентоспособности японской экономики.

Этот подход нашёл своё воплощение не только в «Стратегиях...», которые по своему жанру относятся к документам общего характера, но и в более «приземлённом» документе, позиционируемом как своего рода дорожная карта нового этапа «абэномики» – в так называемом Новом пакете мер экономической политики, принятом решением кабинета в декабре 2017 г. [Атарасии кэйдзай сэйсаку паккедзи], где выдержана та же тональность.

Хотя текст и содержит упоминание конкретных мер, запланированных к реализации на 2018–2020 фин.гг., значительная их часть имеет лишь опосредованное отношение к экономической политике в её привычном понимании. Это, например, дополнительное покрытие расходов на образовательные программы в дошкольных учреждениях и в высшей школе для низкодоходных групп населения; повышение заработной платы социальным работникам, занятым уходом за престарелыми и инвалидами, и облегчение получения долгосрочных виз иностранными гражданами, работающими в этой сфере. Это поддержка использования цифровых и информационных технологий в малом и среднем бизнесе, оказание ему консультативной и организационной помощи, внесение изменений в регулирование субконтрактных отношений. Это обещание образовательной, информационной и рекламной поддержки регионального бизнеса в интересах повышения его эффективности и динамизма и проч.

Те же моменты, которые прямо касаются собственно экономической политики (изменение налоговых ставок и допустимых изъятий из базы налогообложения бизнеса, создание инвестиционных фондов и фондов поддержки кредитования мелкого и среднего регионального бизнеса с использованием государственных средств и т.п.), сформулированы в документе в сравнительно общем виде и представляют собой скорее декларацию намерений, чем конкретные обязательства.

Тем не менее генеральная линия на отказ от идеологии и методов дирижизма и селективной поддержки лидеров делового сообщества (что было характерно для Японии во второй половине прошлого века), в пользу общей поддержки самостоятельных усилий бизнеса для повышения производительности, увеличения количества и повышения качества субъектов экономической деятельности прописана в документе достаточно ясно. Не будет преувеличением сказать, что именно в этом и заключается новое понимание экономической роли государства как суть концепции «абэномики» в её нынешнем виде.

Результатом такой поддержки в количественном выражении, согласно правительственной версии, должны стать рост к 2020 фин.г. годового объёма инвестиций на 10 % по отношению к результатам 2016 фин.г.; рост заработной платы не менее чем на 3 % в год и повышение темпов прироста производительности до 2 % в год, что более чем вдвое превышает результаты первой половины 2010-х годов [Атарасии кэйдзай сэйсаку паккедзи, с. 16]. Кроме того, несмотря на неблагоприятные демографические тренды (последствия падения рождаемости в предшествующий период и «старение» возрастной структуры населения), правительство ожидает продолжения роста занятости в экономике и повышения адаптивности населения к меняющимся требованиям в области трудовых ресурсов.

Насколько эффективными окажутся усилия правительства в обозначенном в недавних стратегических документах направлении и оправданы ли его оптимистические прогнозы в меняющейся глобальной ситуации, покажут уже ближайшие годы.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Атарасии кэйдзай сэйсаку паккедзи : [Новый пакет мер экономической политики]. URL: http://www5.cao.go.jp/keizai1/package/20171208_package.pdf (дата обращения: 20.03.2019).

Кругман П. Японская ловушка // Экономическая политика. 2015. Т. 10. № 1. С. 177–194.

Мирай тоси сэнряку 2017—Society 5.0-но дзицугэн-ни мукэта кайкаку : [Стратегия инвестиций будущего 2017. Реформы для реализации концепции «общества 5.0»] URL: <http://www.kantei.go.jp/jp/singi/keizaisaisei/pdf/miraitousi2017.pdf> (дата обращения: 20.03.2019).

Мирай тоси сэнряку 2018—Society 5.0 Дэта кудогата сякай-э- но хэнкаку : [Стратегия инвестиций будущего 2018. Перемены в направлении «общества 5.0» – общества, основанного на использовании данных]. URL: http://www.kantei.go.jp/jp/singi/keizaisaisei/pdf/miraitousi2018_zentai.pdf (дата обращения: 20.03.2019).

Нихон сайко сэнряку – JAPAN is BACK: [Стратегия возрождения Японии]. URL: http://www.kantei.go.jp/jp/singi/keizaisaisei/pdf/saikou_jpn.pdf (дата обращения: 20.03.2019).

Нихон сайко сэнряку 2016. Дайёндзи сангё какумэй-ни мукэтэ : [Стратегия возрождения Японии 2016. К четвёртой промышленной революции] URL: http://www.kantei.go.jp/jp/singi/keizaisaisei/pdf/zentaihombun_160602.pdf (дата обращения: 20.03.2019).

Стрельцов Д.В. Попадут ли «стрелы» «Абэномики» в цель? // Азия и Африка сегодня. М., 2014. №3. С. 9–14; №4. С. 2–5.

Швыдко В.Г. Япония: текущий опыт преодоления дефляции // Экономика и бизнес: теория и практика. №11-2, ноябрь 2018 г. С. 143–149. DOI: 10.24411/2411-0450-2018-10172

Abenomics. For future growth, for future generations and a future Japan. Prime Minister's Office Homepage. URL: <https://www.japan.go.jp/abenomics> (дата обращения: 20.03.2019).

The Japan Times. 06.02.2019. URL: <http://www.japantimes.co.jp/news/2019/02/06/business/financial-markets/dissecting-bank-japans-zero-rate-policy-20-years/> (дата обращения: 20.03.2019).

REFERENCES

Abenomics. For future growth, for future generations and a future Japan. Prime Minister's Office Homepage, URL: <https://www.japan.go.jp/abenomics> (accessed: 20 March 2019).

Atarashii Keizai Seisaku Pakkeji [New Economic Policy Package]. Japan Cabinet Office Homepage, 08.12.2017, URL: http://www5.cao.go.jp/keizai1/package/20171208_package.pdf (accessed: 20 March 2019). (In Japanese).

Krugman P. (2015). Yaponskaya lovushka [Japanese Trap], *Ekonomicheskaya politika*, 10(1): 177–194. (In Russian).

Mirai Toushi Senryaku 2017—Society 5.0 no Jitsugen ni muketa Kaikaku [Future Investment Strategy 2017. Reforms for Realization of Society 5.0]. Prime Minister's Office Homepage, 09.06.2017, URL: <http://www.kantei.go.jp/jp/singi/keizaisaisei/pdf/miraitousi2017.pdf> (accessed: 20 March 2019). (In Japanese).

Mirai Toushi Senryaku 2018—Society 5.0. Deta kudou gata Shakai he no Henkaku [Future Investment Strategy 2018. Change towards Society 5.0 — Society Driven by Data]. Prime Minister's Office Homepage, 15.06.2018, URL: http://www.kantei.go.jp/jp/singi/keizaisaisei/pdf/miraitousi2018_zentai.pdf (accessed: 20 March 2019). (In Japanese).

Nihon Saikou Senryaku 2016. Daiyonji Sangyou Kakumei ni mukete [The Strategy of Japan's Revitalization. Towards Fourth Industrial Revolution] Prime Minister's Office Homepage, 02.06.2016, URL: http://www.kantei.go.jp/jp/singi/keizaisaisei/pdf/zentaihombun_160602.pdf (accessed: 20 March 2019). (In Japanese).

Nihon Saikou Senryaku – JAPAN is BACK [The Strategy of Japan's Revitalization]. Prime Minister's Office Homepage, 14.06.2013, URL: http://www.kantei.go.jp/jp/singi/keizaisaisei/pdf/saikou_jpn.pdf (accessed: 20 March 2019). (In Japanese).

Shvydko, V. (2018). Yaponiya: tekushchiy opyt preodoleniya deflyatsii [Japan: Current Experience of Defeating Deflation], *Ekonomika i biznes: teoriya i praktika*, 11-2: 143–149. (In Russian). DOI: 10.24411/2411-0450-2018-10172

Streltsov D. (2014). Popadut li «strely» «Abenomiki» v tsel'? [Will the Arrows of “Abenomics” Hit the Target?], *Aziya i Afrika segodnya*, 3: 9–14; 4: 2–5. (In Russian).

The Japan Times. 06.02.2019. URL: <http://www.japantimes.co.jp/news/2019/02/06/business/financial-markets/dissecting-bank-japans-zero-rate-policy-20-years/> (accessed: 20 March 2019).

Поступила в редакцию 25.03.2019

Received 25 March 2019

Для цитирования: Швыдко В.Г. «Абэномика»: смена концепции // Японские исследования. 2019. №2. С. 95–108. DOI: 10.24411/2500-2872-2019-10013

For citation: Shvydko V.G. (2019). “Abenomika”: smena kontseptsii [“Abenomics”: a change in the concept], *Yaponskiye issledovaniya* [*Japanese Studies in Russia*], 2019, 2: 95–108. (In Russian). DOI: 10.24411/2500-2872-2019-10013